

СУХОЩАВЫЙ, не по летам подвижный, он стремительно вошел в кабинет. Удобно устроился в кресло.

— Чем могу служить?

Я объяснил.

— Позвольте, — его брови недоуменно поползли вверх. — Позвольте, но тут какая-то ошибка. Я лично фашистов не бил. К глубокому сожалению. В гражданскую воевал кавалеристом, гонял белых и бандитов на Украине. А в Отечественную... Нет, извините, тут какая-то ошибка, — уже убежденно закончил он и, энергичным хлопком выбив из мундштука в пепельницу окурок «Примы», встал, собираясь уйти.

— Да, били, Михаил Степанович, били! Только не из автомата, а своим, особым оружием и тоже, кстати, на фронте.

— Ах, вы вот о чем... Что ж, было дело. Извольте, расскажу, коли интересно.

СЕДЫЕ от ковыля, без конца и краю, украинские степи... Сколько верст проскакал по их большакам и проселкам красный кавалерист Михаил Калакин — разве припомнить? Всем телом, молодым, крепким, подавшись вперед, почти прижавшись к взметнувшейся гриве коня, мчался он с саблей наперевес навстречу ветру, звеневшему в ушах. На скаку, с размаху рубал белую нечисть, бандитские отребье, всех тех, кто путался под ногами у Советской власти, мешал строить новую жизнь. Где-то они сейчас, в ту далекую пору совсем юные товарищи по оружию из третьего червоного казачьего полка, из отряда имени Комсомола?

Готовился и в Великую Отечественную войну постоять за родную землю, сполна рассчитаться с оккупантами. Не пришлось.

Как и многих других актеров, — а М. С. Калакин работал к началу войны артистом Николаевского драматического театра, — его эвакуировали в Пензу, вручили бронь. Точнее сказать, не вручили, а, не смотря на просьбы, угрозы, мольбы, в приказном порядке заставили остаться в тылу. Когда отпускала тоска, горечь от сознания, что ему старому, закаленному бойцу, отказали в направлении на фронт, приходила гордость за Родину, уверенность в ее силе. Даже в лихую годину, когда порабитивший пол-Европы враг рвался к самой Москве, Отчизна, правительство все-таки берегли их, людей искусства. От этой мысли крепла вера в победу, в будущие мирные дни, когда опять зажгутся фонари у театрального подъезда в родном Николаеве, снова послышится ласкающее слух актера: «Нет ли лишнего билета?»

Но это позже. А пока им, артистам, эвакуированным из Москвы, Ленинграда, Минска, Одессы, Николаева и других городов, предстояло найти свое место во всенародной борьбе с врагом.

Отправили запрос в Москву: как быть? Пришло разрешение: принять в областной драматический театр несколько человек сверх штата. А остальные? Что делать им? Организовали несколько новых бригад при Пензенской госэстраде. И все-таки многие оставались без дела. Тогда они написали взволнованное письмо Верховному Главнокомандующему. Вскоре из оставшихся

ся актеров при Доме Красной Армии был создан Военный оборонный театр миниатюр.

Истосковавшиеся по любимому делу артисты с жаром принялись за работу. Как и остальных, М. С. Калакина особенно радовало то обстоятельство, что их театр носил обязывающее название Военного оборонного, а следовательно, тоже принимал участие в битве с фашизмом.

Ездить приходилось много и подолгу. Они обслуживали воинские части, стоявшие в Пензе, госпитали, выезжали на Воронежский и Калининский фронты. Повсюду их встречали радушно, весело, теми дружными аплодисментами, которыми щедро одаривают артистов люди, истосковавшиеся по искусству.

Однажды, когда артисты, закончив очередное выступление, упаковывали свой нехитрый рекавизит, к Михаилу Степановичу подошел капитан.

— Спасибо за отличный концерт, — поблагодарил он. — Фашистов мы бьем и будем бить на совесть, так, как вы нас к этому с эстрады призываете. К вам же вот какая просьба. У многих из бойцов дома ребята остались. Их детским душам искусство не меньше, чем нам, взрослым, требуется.

На обратном пути, трясаясь в продуваемом ледяным ветром кузове полуторки М. С. Калакин рассказал об этом разговоре молодому артисту Якову Кусакину.

...В Пензе тех грозных лет не было ни одного зрелищного предприятия для детей, и поэтому мысль о создании при Оборонном театре миниатюр кукольной бригады в местном отделе искусств поддерживали. Вскоре состоялась первая премьера — небольшая, остроум-

ная пьеса «Гусенок». Ее с неизменным успехом показывали не только в детских садах и в школах Пензы. Веселый смех раздавался в госпиталях и воинских частях, куда приезжали со своей работой кукольщики.

— Это было, поверьте мне, старому актеру, трогательное зрелище, — вспоминает Михаил Степанович. — В своей жизни я слышал много аплодисментов. Но, право же, слезы выступали на глазах, когда

редной концерт в одной из танковых бригад.

Автомшины с артистами, осторожно лавируя между грозными Т-34, выезжают на небольшую поляну. Сверху она замаскирована от немецких бомбардировщиков сеткой с листьями.

— Как в мирное время, в беседе! — смеется певица Лидия Кудряшова.

Раздольно льется, теряясь вдали, ее звонкое девичье сопрано. Певица поет русские народные песни, песни советских композиторов, поет «о Родине, с которой столько связано, с которой столько пройдено, хорошего и разного».

Затаив дыхание, слушают ее танкисты. Знакомые с детства мелодии и слова неожиданно приобретают новый, сокровенный смысл, о котором ранее, в мирное время, не догадывались многие из них.

Вдруг неожиданно раздается сигнал тревоги.

Бойцы одного из подразделений, на ходу натягивая шлемы, бросаются к своим машинам. А концерт продолжается.

— Мы уже закончили свое выступление, — рассказывает Михаил Степанович. — Победив вместе с танкистами, готовились к отъезду, когда в землянку вошли их вернувшиеся из боя товарищи. Ругаются, на чем свет стоит. «В чем дело?» — спрашиваем. «Фашисты гады, не дали концерт дослушать», — отвечают. «А с какого места в бой ушли?» Оказывается, чуть ли не с начала. Переглянулись мы, рассмеялись и, не говоря ни слова, опять направились к импровизированной сцене.

Пути-дороги фронтовые... Концерты на передовой, в госпиталях. И с первых месяцев войны вместе с артистом М. С. Калакиным помогали громить фашистскую нечисть его, новые «друзья» — куклы.

Как-то, вернувшись из очередной концертной поездки по фронтам, Михаил Степанович узнал радостную весть: кукольная бригада, в которой он работал, преобразовывалась в Пензенский областной театр кукол. В нем артист М. С. Калакин уже как режиссер поставил несколько спектаклей. А сколько сыграл ролей — не счесть!

Подходила к концу война. Можно было снова возвращаться в Николаевский драматический театр. Приглашали и в Москву. Тщетно. Он уже навсегда прикипел сердцем к городу на Суре, в котором провел трудные, но такие незабываемые годы. К созданному им театру. К своей новой актерской профессии кукольника.

Они и сейчас с ним, эти протестные существа из пальемаше — куклы. С ними артист Михаил Калакин помогает бить фашистов. С ними работает и сейчас, неся мальчишкам и девочкам радость встречи с прекрасным миром искусства.

О. ТЕЛЬБУХ.

Пенза.